

Миру помнить завещаем

Сегодня мы прекрасно понимаем, как важно успеть узнать, услышать, записать живые воспоминания свидетелей и участников событий одной из самых страшных войн на планете — Второй мировой. О книге «Мы помним! Миру помнить завещаем...», изданной Минским благотворительным общественным объединением «Гилф», можно благодарно сказать: успели. Здесь собраны рассказы бывших узников Минского гетто (на территории СССР по масштабам оно уступало только Львовскому), окончательно разгромленного в конце октября 1943 года, о пережитых ужасах, о том, как сумели избежать смерти, о тех, кто спасал и кто предавал. «Это была очень трудная книга, — сказала на презентации издания в музее истории Великой Отечественной войны руководитель проекта Тамара Курдадзе. — Надо было вызвать людей на те воспоминания, которые они прятали глубоко в себе и боялись доставать. В этой книге правда все — от первой до последней строчки». Каждая рассказанная история, а их в сборнике 26, — отражение трагедии не только еврейского населения Беларуси, но и всего нашего народа, всей Европы. Конечно же, таких историй намного больше, чем глав в книге. Многие так и останутся нерассказанными. Поэтому каждый прозвучавший голос говорит и за тех безмолвных и безымянных, кто ушел в вечность один на

один со своей неизбывной болью. Из 80 тысяч евреев-минчан в живых остались всего 3,5 тысячи человек. На территории Беларуси в годы оккупации фашисты создали около семи десятков гетто, погибли около 800.000 евреев. Среди них 26,5 тысячи депортированных из Европы в 1941 — 1942 годах: у этих людей шансов практически не оставалось — чудом сумели спастись лишь 50 человек...

Сборник открывается словами: «Детям нашим и внукам посвящаем мы эту книгу». Да, в первую очередь книга предназначена именно молодому поколению. Да и сами рассказчики в своих воспоминаниях возвращаются в свое детство — горькое и страшное. И подробно описывают, «как это было», с названиями улиц, последовательностью событий, с деталями и уточнениями. Все эти так называемые «мелочи» — сегодня вовсе и не мелочи, а ценные свидетельства, позволяющие восстановить достоверную историческую картину времени. И хотя работа по сбору воспоминаний людей, переживших ту войну, ведется по всей стране, стоит поторопиться, активизироваться молодежным организациям. Потому как еще немного — и не успеем. Не успеем спросить о чем-то большом и важном.

Такие книги надо читать. Более того, их надо изучать в школе. Ведь когда человек станет взрослым, его если чему-то и научит, то уже только сама жизнь. Вот ее уроки порой и оказываются непосильно жестокими и трагически запоздалыми. Поэтому прислушаемся к тому, о чем говорят эти люди...

Фрида РЕЙЗМАН — председатель исполнительного совета Минского благотворительного общественного объединения «Гилф»:

«Как только в гетто стало организовываться антифашистское подполье, папа стал его участником, он был на первом заседании подпольной группы. В нее входил Гебелев. Он дружил с папой с довоенных лет. Входил в подпольную группу и Гирш Смоляр.

Папа приносил домой оружие: наганы, патроны, и клал их под матрац. Я лежала на этом месте. Вскоре кто-то приходил и уносил оружие.

Кто-то из папиной подпольной группы попал в гестапо. Он повел фашистов прямо к нам в дом. Папу предупредили буквально за несколько минут до их прихода. Вульф Лосик успел вынести оружие, которое хранилось у нас.

Немцы зашли и сразу маму ударили по лицу. Я спряталась под табуретку. Когда немцы занялись обыском, я сумела выскочить в сенцы и стала за дверь. Она была открыта, и в щель я видела, как ходит часовой. Пока он был ко мне лицом, я боялась шелохнуться, когда повернулся спиной — выскочила и спряталась в уборную, которая стояла во дворе.

Подпольщики все время следили за нашим домом. Они и спасли нашу семью. Когда меня вытащили из уборной и кто это сделал, я не знаю. Видимо, я уже замерзала и потеряла сознание, руки почернели и распухли. Очнулась на Республиканской. До войны там была кукольная фабрика. Я оказалась в огромном зале, посередине которого стоял бильярдный стол, на нем лежала женщина. Крысы ей отгрызли часть лица, я, когда увидела, очень испугалась. Меня

спрятали под какими-то плетеными корзинами. Потом подпольщики передали меня маме».

Владимир ТРАХТЕНБЕРГ:

«Я помню газовые грузовики. Мама говорила мне, что как только я вижу машины, неважно где, я должен тотчас спрятаться. Эти машины назывались «душегубками». В них сажали людей и потом пускали выхлопные газы в этот герметичный отсек до тех пор, пока внутри все не задохлись».

Но мне повезло, я ни разу не был в такой машине. Припоминаю, что мы вечно обсуждали с другими детьми, где надо прятаться, кто и как долго может задержать дыхание так, чтобы выглядеть мертвым, если немцы зайдут в дом, чтобы забрать кого-то.

В гетто я был с первого до последнего дня. Мы остались живы только потому, что нам везло. Ведь на каждого, кто остался живым, погибло пять человек».

Майя КРАПИНА:

«Однажды, когда мама готовила еду, зашли немцы и полицаи. Сказали ей: «Одевайся. Пойдем». Рядом стояли я, Сарочка, Иосиф. Мама говорит: «Я возьму Майю с собой». Брат ей ответил: «Пускай Майя остается с нами. Она постарше, а что я буду делать с Сарочкой?» Мама одела мою сестричку, и они ушли».

Потом по гетто разнесся слух, что на Юбилейной площади повесили евреев. Брат взял меня, и мы вдвоем побежали туда. Увидели: повешенных было человек десять. Мама висела на виселице самая первая. У нее были длинные-длинные

черные волосы. Они развевались на ветру. Это был октябрь 1942 года. Стояли холодные дни. Мы с братом каждый день прибегали, думали, разрешат снять их. Не разрешали. А через три дня в Яму сбросили. На груди у повешенных были таблички с надписями, что их казнили за связь с партизанами. Я не знала ни о какой связи мамы с партизанами. Может, нам, детям, не обо всем говорили? А где Сарочка, мы не знаем и по сегодняшний день».

Елена АНТОНОВА (Шофман):

«Бабушка погибла в первом погроме 7 ноября 1941 года. Евреям давали в руки красные флаги и гнали к заранее вырытым ямам, где их и расстреливали.

Немцы, местные предатели–полицайи не щадили ни взрослых, ни детей. На территории гетто находился детский дом, в котором содержалось более 300 детей. Это были дети в возрасте от 2 месяцев до 13 лет, родители которых погибли. Всех детей и работников детского дома фашисты расстреляли. В изоляторе детского дома находилось 68 больных детей, они были зверски убиты и порублены. Маленькие детки лежали в кроватках, фашисты раскрыли окна и двери, и малыши замерзли.

Мама погибла в марте 1943 года.

Мне удалось бежать из гетто. Беспризорная, я скиталась по городу, пока незнакомые люди не отвели меня в детский дом № 7. Заведующая детским домом Вера Леонардовна Спарнинг записала меня как Антонову Елену Ивановну. Таким образом она и инспектор по детским домам В.С.Орлов спасли в нашем детском доме 35 еврейских детей.

В.С.Орлов спасал еврейских детей не только в нашем детском доме, но и по несколько человек в 8–м, в 9–м и 45 человек — во 2–м детском доме. Директора детских домов и Орлов В.С., спасая детей, рисковали своей жизнью».

Георгий БИРГЕР:

«В городе повесили советских людей на деревьях Центрального сквера, на входе

стадиона «Динамо». Дома говорили о погромах в гетто, как забрали детей маминых подруг, у которых мужья евреи. Известный в городе врач Владысик сошел с ума, когда фашисты забирали его жену—еврейку и сына 12 лет. Мальчик плакал и просил: «Папа, помоги, сделай что—нибудь...»

Эльфрида АСЛЕЗОВА (Фрида КИСЕЛЬ):

«20 ноября 1941 года был новый погром, охвативший еще часть гетто. Он начался ранним—ранним утром, еще было совершенно темно. Мы едва успели спуститься в «малину». Дедушка отказался прятаться с нами, он замаскировал лаз и лег в постель. Пришли двое карателей. Они подняли дедушку с кровати и заставили выйти на улицу, но он наотрез отказался, и они застрелили его прямо в комнате. Ценой своей жизни дедушка спас семью. Каратели ушли. Мы остались живы.

Выжившим в этом погроме евреям было приказано немедленно освободить занимаемые ими дома и переселиться на улицы, где им еще разрешалось жить. Нас приютили у себя знакомые родителей, жившие на углу Крымской и Флакса. Там мы жили еще в большей тесноте. А освободившиеся дома были снова отделены оградой и заселены евреями из Западной Европы. Мы их всех называли «гамбургскими». Очевидно, первый эшелон с ними прибыл из Гамбурга».

Майя ГУРЕВИЧ:

«28 июля 1942 года был самый большой погром. Он длился 4 дня. Рабочие колонны увели на работу, в гетто остались старики и дети. Три дня фашисты громили все дома. В нашем доме был большой чердак. Мы, дети и бабушка, спрятались там. Фашисты кинули гранату в подвал, а на чердак не заглянули. Когда на четвертый день вернулись рабочие колонны, мы услышали крики и плач. Спустились вниз мы и другие со своих «малин» — кругом кровь, убитые люди и разгромленные дома!

Бабушке стало плохо, и на руках у дочери Раи она умерла.

Брат мой Хаим все время старался найти людей, которые помогли бы нам убежать к партизанам. Многим уже удалось благополучно убежать. И вот, когда его обещали познакомить с человеком, который появлялся в гетто и многим помогал, все оборвалось. Хаим с другом проходил мимо пьяного полицейя, тот в них и выстрелил — просто так. У меня не стало единственного брата».

Феликс ГЕРБОВИЦКИЙ:

«Я, наконец, решился и перебрался под проволокой в «русский район». Несколько дней находился в районе, называвшемся «Выставка», — это окраина Минска. Здесь познакомился с парнишкой лет шестнадцати, который работал на железной дороге проводником. Ему, по-видимому, я обязан жизнью. Он дал мне ключ от тамбура товарного вагона и узнал время, когда он отправится в сторону Молодечно. Я хорошо понимаю, что парень рисковал жизнью. Так я оказался в Молодечно, а затем в Лиде, где добрые люди приютили меня.

Мои хозяева, по-видимому, догадывались, что я еврей, но соседям об этом не говорили. Я пробыл у Вершило Станислава Ивановича до осени 1945 года, помогая по хозяйству, а затем вернулся в Минск.

Я безгранично благодарен семье, которая приютила меня в тот критический момент и спасла от верной смерти, рискуя жизнью. Ведь укрывательство еврея каралось смертью.

Сейчас, задумываясь над тем, что со мной произошло во время войны, я прихожу к выводу, что сделал все возможное, чтобы выжить, и до сих пор не устаю удивляться этому».

Советская Белоруссия №96 (24233). Среда, 29 мая 2013 года.

Автор публикации: [Галина УЛИТЕНОК](#)

Дата публикации: 20:18:46 28.05.2013